

СВЕТ И ТЕНИ ДЛИНОЙ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Чем выше солнце, тем короче тени. В ярком свете такого большого и радостного события, как День Победы, различные озорные детали уходят на второй план. Есть, однако, индвидуумы, которым сияние Дня Победы действует на нервные системы. Им остается только один способ — совсем закрыть глаза! Так поступил Пенатон, запретивший, насколько нам известно, своим войскам в Европе праздновать День Победы.

Мы предпочитаем видеть этот день таким, каков он есть. И, откровенно говоря, для нас он, несмотря на темные грани последнего десятилетия, полон праздничности, оптимизма и духовного подъема.

Двадцать лет назад в оружейных залах и скрежете гусениц завершилось крушение фашистской Третьей империи. Судьба зло смеялась над гитлеровскими провидцами, которые прочили этой империи тысячелетия бытия и мирового владычества. Но провидцы оказались вчетверть века, она рассыпалась в прах, похоронив под землей дым закатавшего пожара, а в небе над Москвой поднялись зарево победного салюта. И этим подвигнулся черт тому тафуну огня и железа, который бушевал в Подмоскovie и Ленинграде, в Сталинграде и на Курской дуге, на Зевловских высотах и у Вендиш-Бухольца при последнем броске на Берлин. Величайшая в истории человечества трагедия пришла к концу. Занавес падал. Фельдмаршал Кейтель простал под актом капитуляции последнюю подпись фашистской Германии. Героическая Советская Армия сокрушила самую черную силу нашего века.

В ту пору мы, находившиеся до последней секунды в горячке боя, знали и твердили только одно слово: победа, победа, победа! Это было как второе рождение: мир нов, волна оптимизма так высока, что закрывает горизонт грядущих событий. Обычно время вносит крупные поправки в такое состояние, и утро после праздника нередко выглядит более чем бурлящим. Но, возвращаясь памятью к прошлому, мы можем с удовлетворением сказать: хотя многие победы в дальнейшем пошли не по тому руслу, которое намечалось, наш оптимизм был оправдан.

Дням торжества приключается гром оркестров, а не стук бухгалтерских арифмометров, это общеизвестно. И все же, оставая традиционной традиционным, великим будет взглянуть на послевоенное десятилетие не только с его славы, но и с теновой стороны: уверенная дорога в завтрашний день лежит через понимание минувшего.

Планета наша осталась такой же круглой, материи не поменялись местами с океанами, а мир тем не менее, что называется, претерпел «ряд волшебных изменений милого лица». И, на мой взгляд, в 1965 году жить радостнее, интереснее, чем в 1940-м: меньше в мире мертвечайших духов. И хотя предгрозовые оттоды не отошли еще в область преданий, легче дышится, дальше видится, лучше шагается.

До войны мы говорили, что находимся в капиталистическом окружении, так как почти на каждом метре границы против нас топорились, как собачьи клыки, жужжащие штыки. Теперь, когда под знаменем социализма идет более миллиарда людей, обсуждение проблемы, кто кого окружает, под стать разве тем умикам, которые некогда гадали, сколько ангелов уместится на кончике иглы.

Но, водрузив красный флаг над рейхстагом, социализм не только ликвидировал опасность для себя, вышел из окружения и расчистил путь для успеха освободительных движений. Все чаще захватывая лидерство, социализм стал движителем мирового прогресса в области науки, техники, образования, здравоохранения. Социализм стал такой заветной и интеллектуальной жизни человечества, на которой подорожит доброе будущее.

Однако на древе послевоенного десятилетия выросли и кислые и горькие плоды — с той стороны, где ухаживали за ним другие садовники. Политика США, приступившая к послевоенному устройству в Европе с камнем антикоммунизма за лапшой, породила не только раскол Германии, но и опасное противостояние бывших союзников в войне против фашизма. Предполагалось, что роль Бонна — воевать, да начала в «холодном варианте», против коммунизма и социализма — в интересах США. Но это, как мы неоднократно и предсказывали, были наивные иллюзии: теперь Бонн, обвешавшись до шее оружием и протягивая палец к атомной кнопке, все чаще и беззастенчиво играет вашингтонской колодой в своих реваншистских интересах. Увязнув, таким образом, одной ногой в центре Европы, в ее бонинско-реваншистской трясине, скользя другой в Индокитае, где они развязали грязную войну против Вьетнама, США обрели себя на роль пугала второй половины двадцатого века, олицетворили в себе все самое консервативное, отталкивающее, застойное. Эта застойность политики США выражается, между прочим, и в том, что они не могут удовлетворительно решить ни одной проблемы даже у себя дома, — чего стоят одни «расовые беспорядки! Не потому ли Штаты ищут выход в авантюрах, которые в наш век не могут пройти безнаказано?

Так на горизонте десятилетия победы над фашизмом возникают не только огни праздничного салюта, но и формируется грозная туча, из которой атомный шар может ударить молния.

Можно, конечно, на основании совершенно точных данных подсчитать, что после этого останется от самих США. Но иные джентльмены в Штатах руководствуются в поступках и планах не советами разума, а слепой интуицией. Поэтому очень и очень хорошо, что к двадцатилетию победы мы запаслись ракетами не только для салюта. Правда, считается, что все остальные ракеты — за исключением еще тех, на которых летают в космос, — было бы лучше утопить, и мы разделяем эту точку зрения. Но ведь начинать надо сразу с двух берегов, и, к сожалению, есть основания полагать, что это произойдет не завтра. Чего доброго, до той поры комиссия по разоружению успеет вычерпать для чая и кофе все Женевское озеро, поскольку диалог на эту тему пока что довольно однообразен: мы за разоружение, а американцы за инспекцию. Это как бы разговор на разных языках без переводчика.

Таким образом, минувшее десятилетие имеет свои светлые и темные грани.

Но оставших больше. Ненечетливо больше!

А темные не останутся нашего десятилетия, — мы знаем, что такое труд, борьба, война. И, главное, знаем, что такое победа!

Николай ГРИБАЧЕВ

Владимир КОТОВ

Весеннее напоминание

С тех пор,
как мир
расцвел победой,
с тех давних
праздничных минут,
как пронеслись
над всей планетой
два слова
«Гитлеру капиту!»,
со дня,
что стал великой датой
[она нам навсегда близка!],
когда советскому солдату
весь шар земной
рукопожал,
двадцатый раз
весна явилась,
и раде ей
планета вся...
Двадцатый раз
листва сменялась,
в ладошках
солнце нам
неся.
И светит нам
особым светом
тот год,
тот день,
тот час,
тот миг!..

Салют тебе,
Весна Победы!
Тебе,
двадцатилетний мир!
Растут сыны,
растут герои,
их мирных поданов
не счастье.
Но...
«люди строят —
свинный рот»,
пословица такая есть.
Не унимаются банкроты —
[их снова распирает прыть!]
и ждут,
что их простят народы,
чтоб им сподручий было...
Чуму,
проказу
нль холеру
как всенародную беду,
когда бы мы могли,
простить!
Когда!
В каком году!..
Нет!
Этого века не будет!
Не будет —
ясно, почему:

фашизм простить
не могут люди,
как не простят век
чуму.
Весна
необратимым ходом
шагает,
и боясь преград.
Весна
не только
время года,
весна —
испытанный солдат!
И вы,
глашатаи реванша,
как вам надежда ни мила,
смотрите,
чтобы память ваша
жестоко вас не подвела!
За войны и пожары
ратую,
скикая снова
сброд
в поход,
взгляните на
число
Девятое,
Май месяц,
Сорок пятый год...